

А. Воронский.

У СКЛЕПА.

Под кремлевской стеной, где вызванивают невнятно куранты III Интернационал, у братских могил, – свежий наскоро сделанный склеп, обшитый досками, и на них, покрашенных в стальной цвет, начертано одно, ставшее большим, как мир, слово:

Ленин.

Склеп застыл неподвижно-строгим броневином у этого штаба краснозвонной, краснозвездной рати. Склеп стоит, как верный, молчаливый страж.

...Дни прощальных, последних приветов отошедшему и упорно, неотвязно горькое горечью недавней утраты имя:

Ленин.

Призыв и знамя, пароль и лозунг, клятва верности и зов в грядущие века, боевой клич и символ братства и товарищества.

Двоится образ подвижного крепкого человека и того, чьи уста больше никогда не разомкнутся в живом трепете слова. Кажется, сказано все, что нужно, в сотнях и тысячах статей подведены итоги, и вместе с тем есть что-то важное, о чем не написано и что будет написано гораздо позже и нескоро. В такие моменты с особой остротой ощущается бедность и ограниченность языка.

...Ленин...

...Россия издавна жила в бунтах, в восстаниях, в кровавой и крестной борьбе трудовой, исподней народной массы. История этой тяжбы уходит в глубь и в темь веков. Она известна в самых общих очертаниях. Историческая жизнь наших окраин протекала под знаком этой борьбы. Туда спасались наши бегуны, протестанты, не умевшие мириться "смерды" и "холопы", пострадавшие от царского чиновничьего, дворянского гнета. Вольная, буйная запорожская сечь, глухие таежные места Сибири, бескрайные степи Оренбурга, холодные скалы и тундры северного края давали приют искателям "праведной жизни", тем, кто отстаивал свои права на лучшую жизнь и прежде всего право владеть и обрабатывать свободно землю.

Не раз и не два с Пугачевым, с Разиным, с другими народными атаманами и вожаками поднималась наша "голытьба", огнем и мечом мстя дворянству и купечеству за свои тяготы и за свою беспросветную жизнь. То, что представлялось идиллией в учебниках истории, в повестях и романах, в поэмах и стихах, было напоено, наполнено до краев то глухой и скрытой, то явной и звучащей, как набат, борьбой угнетенных против угнетателей.

Но всегда бывало так, что движение, борьба крестьянских масс разбивались о гранит деспотического государства. Государство было организовано, имело сложный административный аппарат, регулярную армию, опиралось на поместное дворянство со своеобразной культурой. Крестьянство жило в неподвижных, патриархальных, отсталых, крепостнических условиях, было распылено, поголовно неграмотно, бескультурно; оно поднималось стихийно, неорганизованно и так же стихийно бросало оружие при первых неудачах. Такие поражения были неисчислимы и постоянны. Складывалось убеждение, уверенность даже: "против рожна не попрешь", "не нами началось, не нами и кончится". Казалось, что верхние и нижние социальные этажи будут существовать вечно, а борьба угнетенных обречена на поражения.

Так было не только в России, так было в Турции, в Индии, в Китае, в Японии.

В так называемую "эпоху великих реформ" крестьянству нашему удалось расшатать классическое крепостничество, но здесь не было победы. Царский и дворянский гнет остался, крепостничество осталось в своих пережитках.

Во второй половине XIX века пришла революционная народническая интеллигенция, но она была слишком чужда народу, далека от него, новый класс-борец еще не сформировался, и героические усилия нашей интеллигенции разбились также о гранит деспотизма, распылившись в подвижнической борьбе одиночек, небольших кружков и групп.

Ленин был первый, кто возглавил победоносную революционную борьбу трудового народа, смывшую и пережитки крепостничества, и наш азиатский подлый капитализм. Он был и остается прежде всего вождем масс, далеко вышедшим за пределы России; вся его жизнь крепчайшими узами связана с классовой борьбой пролетариата всех стран и народов, но это ничуть не меняет положения, что для России, в России он был первым вождем-победи-